

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 99.2.042.02, созданного на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации ПО ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК

аттестационное дело № _____

решение диссертационного совета от 25.12.2025 г. №43

О присуждении **Цивилевой Валентине Евгеньевне**,
гражданке Российской Федерации, ученой степени кандидата исторических
наук

Диссертация «Иудео-христианские взаимоотношения на позднеантичном латинском Западе в IV – начале VII в.» по специальности 5.6.2. - Всеобщая история (исторические науки) принята к защите 24.09.2025 г., протокол №41 диссертационным советом 99.2.042.02, созданным на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 603905, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 и Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет», 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39. Совет утвержден приказом Минобрнауки РФ от 1 марта 2017 г. № 149/нк.

Соискательница Цивилева Валентина Евгеньевна, 1998 года рождения, в 2020 году окончила бакалавриат по специальности 46.03.01 «История» с отличием, а в 2022 году окончила магистратуру по специальности 46.04.01 «История» с отличием.

В период с 1 сентября 2022 г. по 26 июня 2025 г. обучалась в аспирантуре

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», в котором освоила программу подготовки научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации по научной специальности 5.6.2 Всеобщая история. Свидетельство об окончании аспирантуры 37Ив №20250111, регистрационный номер 15, дата выдачи 01 июля 2025 года.

Диссертация выполнена на кафедре всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет».

Научный руководитель — Тюленев Владимир Михайлович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Грацианский Михаил Вячеславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в Средние века исторического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»,

Биркин Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории исследований научных институций, доцент кафедры всеобщей истории ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»,

дали положительные отзывы на диссертацию.

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» в своем положительном заключении, подготовленном доктором исторических наук, доцентом, профессором кафедры всеобщей истории историко-

филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета Е. В. Литовченко, и подписанном исполняющей обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кандидатом исторических наук, доцентом Ю. Ю. Комляковой, указала, что диссертационное исследование Цивилевой Валентины Евгеньевны на тему «Иудео-христианские взаимоотношения на позднеантичном латинском Западе в IV – начале VII в.» представляет из себя самостоятельный, целостный и законченный научный труд, соответствующий паспорту специальности и профилю диссертационного совета, соответствует пп. 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. (Постановление Правительства РФ № 842) в редакции от 02 августа 2016 г. (Постановление Правительства РФ № 748).

Заключение ведущей организации содержит следующие замечания:

1. Нельзя не отметить четкую географию и хронологию исследования (С. 52-53), однако хронологические рамки, на наш взгляд, весьма широки, составляя три с небольшим столетия. Это вызвало необходимость проанализировать огромное количество научной литературы, не говоря уже об обширной источниковой базе исследований, что, безусловно, делает честь автору, но, вследствие этого значительно увеличился объем диссертации, а ее введение заняло 73 страницы текста.

2. Несмотря на отмеченную выше, как положительную сторону работы, методологию, заметим, что в ней присутствует один существенный пробел – при самом активном обращении в тексте диссертации к дискурсу («изучение христианского дискурса», С. 32, 55, 60, 78 и др.) совершенно проигнорирован дискурс-анализ – междисциплинарный метод исследования текстов, акцентирующий историческую и культурную обусловленность способов понимания и репрезентации мира и самих себя, и позволяющий выявлять

скрытые значения текста. Думается, что с его привлечением заявленный анализ «мировоззренческих установок» (С. 74) состоялся бы в полной мере.

3. Положения, выносимые на защиту, демонстрируют глубокое понимание автором сложности темы и диалектического противоречия между риторикой и реальной практикой, однако, перечисление во втором из них составляющих образа иудея (коварство, топос крещения и пр. С. 72-73) является, на наш взгляд, констатацией устоявшихся в науке представлений. Следовало бы четче обозначить, какие новые, ранее не выделявшиеся черты или особенности этого образа в изучаемый период выявляет данное исследование.

4. Не совсем нам близка избранная автором подача новизны исследования: следовало бы структурировать новизну по пунктам, отделив теоретико-методологический вклад от конкретно-исторических результатов (введения новых источников, пересмотра отдельных событий и т.д.), а также конкретизировать формулировки, заменив общие слова («обобщается», «анализируется») на четкие определения нового знания («выявлены и систематизированы риторические стратегии на материале источников», «доказана региональная специфика», «впервые в отечественной науке реконструирована модель коммуникации» и т.д.)

5. В тексте часто используется термин «иудео-христианский диалог» (С. 5, 23, 52, 54, и мн. др.). Понятие «диалог», не совсем правомерно в том случае, если мы располагаем источниками, отражающими взгляды только одного субъекта этой коммуникации, христиан. В контексте настоящего исследования иудеи, скорее, представлены в зеркале христианского восприятия. В таком случае, не точнее ли было бы говорить о «дискурсе» или «взаимодействии»?

6. На С. 198 диссертации речь идет о «географии иудейского присутствия», а весь параграф 3.1 посвящен анализу археологических и эпиграфических данных. На наш взгляд, целесообразно было бы визуализировать результаты этого анализа в Приложении в виде таблицы или карты.

7. К сожалению, текст не свободен от ошибок и опечаток.

Соискатель имеет 10 опубликованных работ, опубликованных в

рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК - 4. Общий объем научных публикаций - более 4 п. л.

Недостоверные сведения в списке опубликованных соискателем ученой степени работ, в которых отражены основные научные результаты диссертации Цивилевой В.Е., отсутствуют; неправомерные заимствования отсутствуют.

Перечень наиболее важных работ, в т.ч. опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. Цивилева В. Е. Тюленев В. М. Диалог с иудеями в контексте пастырского служения папы Григория I // VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ, 49 (1), 2022. С. 81–89 (0,7 п.л.; авт. вклад – 0,35 п.л.).

2. Цивилева В. Е. Иудео-христианские взаимоотношения в Остготском королевстве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 3. С. 47–51 (0,5 п.л.)

3. Тюленев В. М., Цивилева В. Е. Иудейская тема в позднеантичной галльской литературной традиции // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 118. С. 27–41 (1,2 п.л., авт. вклад – 0,6 п.л.).

4. Цивилева В. Е. Иудео-христианские взаимоотношения в позднеантичном Клермоне и их отражение в зарубежной историографии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 96–104 (0,6 п.л.).

5. Цивилева В. Е. Иудеи на позднеантичном Западе: случай на Менорке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 91–98 (0,5 п.л.).

6. Цивилева В. Е. Иудео-христианские взаимоотношения в Остготском королевстве // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2023» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2023. https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2023/data/section_19_28465.htm

7. Цивилева В. Е. «Исторические» и «риторические» иудеи в произведениях Григория Двоеслова // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XLII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / ред. А.Ю. Прокопьев. СПб., 2023. С. 162–171 (0,4 п.л.).

8. Цивилева В. Е. Образ иудеев в позднеантичной латинской агиографии // Материалы всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных: «Образ "иного" в восприятии современников и исторической памяти» Москва, 8–9 декабря 2023 г. «Власть и общество в историческом опыте человечества» Москва, 22–23 марта 2024 г. Москва, МГУ, 2025. (в печати). (0,3 п.л.).

9. Цивилева В. Е. Правовое положение иудеев в поздней Римской империи // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново, 28 апреля 2020 г. Иваново, ИвГУ, 2020. С. 517.

10. Цивилева В. Е. Проблема иудеев в письмах Григория Великого: идеология и практика // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2021. Тезисы докладов научных конференций Международного научно-практического фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 19–29 апреля 2021 г. С. 433.

На диссертацию и автореферат поступили отзывы:

Положительный отзыв на диссертацию официального оппонента **Грацианского Михаила Вячеславовича**, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в Средние века исторического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

В отзыве указаны следующие замечания:

1. В работе фактически отсутствует обоснование хронологических рамок.

Если нижний хронологический предел, совпадающий с началом официальной христианизации Римской империи, можно признать очевидным, то верхний предел — понтификат папы Григория I — выставлен скорее декларативно. Автор указывает (с. 53), что письменное наследие Григория «в определенном смысле заложило основы уже средневековой церковной политики в отношении иудеев», однако это утверждение не вытекает из анализа писем Григория, проделанного в параграфе 3.1. С другой стороны, анализируя вестготское законодательство VII в. в параграфе 2.2. и ссылаясь затем на него в разных частях работы, соискательница по факту существенно переступает через заявленные во Введении хронологические границы работы. По моему мнению, верхнюю границу исследования следовало передвинуть или обосновать лучше.

2. Географическое ограничение работы латинским Западом вполне понятно и само по себе может быть принято. На с. 53 автор декларирует серьезные различия межконфессиональной ситуации на Востоке и на Западе и ограничивается по этой причине исследованием Италии, Галлии, Испании, отчасти Африки. Такой подход вполне имеет право на существование, хотя в своих исследованиях лично я как раз исхожу из фундаментальной схожести большинства условий на Западе и на Востоке, по крайней мере в период существования Римской империи. Не навязывая своего взгляда, отмечу, что, анализируя, к примеру, законодательство Кодекса Феодосия, Валентина Евгеньевна вынуждена всё же иметь дело главным образом с восточным законодательством, составленным с учетом именно восточных социально-политических условий существования иудейских общин. Соискательница, конечно, оговаривает, что императорские законы издавались как общие для Востока и для Запада Римской империи, однако, это по сути дела было лишь идеологической декларацией. Законодательство Кодекса Феодосия в основном — восточное и применять его для иллюстрации положения иудеев и на Западе можно только с оговорками, особенно ввиду заявленного соискательницей отличия межконфессиональных отношений на Востоке.

3. Таким образом, заявленный неучёт восточной ситуации оказывается для

соискательницы неабсолютным. У нее нет принципиального отказа и от грекоязычных источников, коль скоро используется Прокопий Кесарийский. Эти обстоятельства, с моей точки зрения, указывают на существенный пробел в источниковой базе исследования. Приводя пространный анализ восточного законодательства Кодекса Феодосия Валентина Евгеньевна необъяснимо отказывается от анализа законодательства Юстиниана в отношении иудеев. Законодательство Юстиниана двуязычно, причем практически все законы имеют официальную версию на латинском языке. Во времена папы Григория Великого действие юстинианова законодательства распространялось на Италию, Африку и Южную Испанию, т.е. регионы, входящие в географические рамки исследования. Тот же папа Григорий жил именно в этом правовом поле и сам ссылаясь на кодекс и новеллы Юстиниана. Учесть эти материалы было тем проще, что имеется специальное двухтомное исследование, касающееся политики Юстиниана в отношении иудеев, содержащее в том числе материалы, непосредственно важные для заявленных целей и задач исследования соискательницы: Рабелло А.М. «Юстиниан, евреи и самаритяне в свете историко-литературных, церковных и юридических источников».

4. Фактический отказ от учета общесредиземноморского контекста (ср. с. 52) очевидно уменьшил эвристические возможности исследования. Так, учет ситуации на Востоке (включая и Африку) в первой трети VII в., характеризующейся вооруженными мятежами иудеев, резней ими христиан, сдачей ряда восточных городов, включая Иерусалим, персам, а затем благоприятным отношением к надвигающимся арабам, помог бы соискательнице, с одной стороны, осознать причины жестких мер по отношению к иудеям императора Ираклия (610–641), а с другой — сделать выводы о причинах такой же одновременной политики по отношению к ним в вестготском королевстве.

В целом неучёт общего средиземноморского контекста несколько подрывает следующее наблюдение как диссертантки, так и исследователя, на выводы которого она опирается: «Таким образом, вестготские правители,

приняв христианство никейского образца, восприняли и антииудейскую риторику, которая была важной составляющей христианской картины мира. Как отмечает П. Фредриксен, в вестготском государстве светское законодательство и христианские риторические антииудейские традиции, соединившись, создали «политического иудея», чье существование создавало угрозу для церкви и государства, иудеи в очередной раз были «другими», на основе противопоставления которым строилась государственная идеология» (с. 177).

5. Вышеприведенные наблюдения над текстом диссертации наводят и на размышления скорее методологического порядка. Местами соискательница излишне доверяет предшествующей литературе, говорящей о намеренном создании христианами образа «риторического иудея», не имеющего ничего общего с реальным. Оставим за скобками соображение, откуда авторы знают о том, каким был «реальный иудей», если источники у нас у всех одни и те же, с абсолютным преобладанием христианских. Мы же не отрицаем, что христиане, полемизируя с еретиками и язычниками, имели в виду конкретные и реальные взгляды и мнения еретиков и язычников, хотя такая литература, конечно, не свободна от ошибок, натяжек и искажений, вольных или невольных. Язычник Юлиан Отступник, еретик Несторий или другой индивидуальный или коллективный объект идейной полемики были реальны, как и их взгляды. Для диалогичной интеллектуальной культуры поздней Античности, с другой стороны, вообще было свойственно выведение условного партнера по диалогу, но это не значит, что тот априори выражал нереальные или надуманные взгляды! Тогда почему мы считаем, что в отношении иудеев было не так, и выведенный в полемических трактатах образ был предельно абстрактным, выражал выдуманные взгляды, то есть был неким «риторическим иудеем»? Следует ли нам говорить аналогично о «риторическом Юлиане» или «риторическом Нестории» или всё-таки попытаться старыми добрыми сравнительными методами постараться вычленить реальное и надуманное в полемических трактатах?

Изучаемый период, в конце концов, это раннеталмудический период —

эпоха становления новых иудейских норм, имеющих ту же цель — формирование своего через опровержение и отвержение чужого. Враждебность раннего талмудизма к христианству также общеизвестный факт. И христианская полемика велась явно не только в академических целях и не оперировала только лишь надуманными категориями. Также она не преследовала только цели формирования и утверждения своего: она реально стремилась к изучению «чужого» с целью его более эффективного опровержения.

В целом отметим, что работе, конечно, не хватает обращения к этим вопросам. Понимаю, что это существенно превосходит возможности кандидатской диссертации, и потому ограничусь здесь призывом к учету конкретной подспудной конфессиональной ангажированности большей части представленной соискательницей во Введении историографии и к критическому отношению к нестандартным методологическим подходам.

6. Отмечу явную ошибку соискательницы, и в этом случае некритически последовавшей за литературой. Она касается трактовки эдикта от 10 марта 418 г. (CTh. XVI.8.24) как «полного запрета на занятие иудеями административных и военных должностей» (с. 152). Из текста явствует, что запрещена только военная служба (т.н. *militia armata*), причем состоящим в должности *agentes in rebus* и в дворцовой гвардии оставляется возможность выслужить оставшийся срок. О запрете государственной службы по гражданским ведомствам (*militia officialis* или собственно *administratio*) в законе вовсе не говорится. Там же выражение закона «честь куриальных должностей» (*curialium munerum honore*) диссертант странно передает как «пользоваться «привилегией» куриальной ответственности», хотя закон явно дает понять, что сохраняет за иудеями все возможности муниципальной службы и карьеры. Неверным тем самым является общий вывод диссертантки, что с «начала V века имперская администрация была почти полностью закрыта для иудеев (хотя практика могла отставать от предписаний, о чем говорит, например, письмо Севера Меноркского, в котором упоминаются иудеи, занимающие должности дефенсоров и комита)» (с. 160). Занятие иудеями муниципальной (дефенсор) и гражданской должности (комит)

ярко свидетельствует здесь как раз об обратном.

Относительно иудея Феодора с Менорки (с. 216) в этой связи следует уточнить перевод: «он, исполнив в городе все должности курии (*in civitate autem cunctis curiae muniis exsolutis*), стал дефензором» (у автора: «он выполнял в городе все обязанности по курии»), т.е. текст свидетельствует о том, что Феодор прошел все ступени муниципальной карьеры (видимо, до дуумвира включительно) и в результате смог стать дефензором и патроном — т.е. занял уже сверхштатные почетные куриальные должности.

Ошибку диссертант далее повторяет на с. 217, говоря, что «во время произошедших на Менорке событий занятие административных должностей иудеями (в частности, должности дефензора) уже было запрещено». Сама же автор при этом упоминает (с. 218) бывшего наместника провинции иудея Литория, который сделал карьеру именно на гражданской службе. Это же утверждение о запрете иудеям всякой службы повторяется и в Заключение (с. 265).

7. Соискательница не показывает, на чем основывается ее предположение об изначальной свободе иудеев как таковых от куриальных обязанностей: вопреки ее утверждению отнюдь не все куриальные должности требовали принесения жертв и потому освобождение иудеев от всех муниципальных должностей не имело смысла и никогда не практиковалось. На основе этого ошибочного предположения соискательница делает вывод о постепенном лишении иудеев иммунитета и рассматривает его как ущемление их прав. Как следствие, она неверно трактует смысл законов Кодекса Феодосия о куриальном статусе иудеев. К примеру, на с. 154 она трактует закон 321 г. как позволяющий «нескольким представителям иудеев быть освобожденными от куриальных обязанностей» (CTh. 16.8.3). При этом в законе сказано, что таковые освобождаются только от «назначений» (*nominacionibus*), т.е. от занятия муниципальных должностей, которые всегда были сопряжены с личными расходами, а не от куриальных обязанностей вообще.

Более примечателен здесь закон Гонория от 398 г., который

соискательница упоминает, но не раскрывает: в нем говорится, что иудеи, прикрываясь неким законом, изданным на Востоке, отказались от выполнения куриальных обязанностей в Калабрии и Апулии. Император отменяет действие такого закона («каков бы он ни был») на своей территории и требует от городов привлекать иудеев к исполнению куриальных обязанностей. Таким образом, тональность имперского законодательства заключалась в том, чтобы приравнять иудеев к прочим гражданам в вопросе несения общей куриальной повинности и не дать им от нее избавиться под предлогом религиозной исключительности. Тем не менее, несмотря на ошибки в рассмотрении смысла и содержания конкретных законов императоров в отношении куриалов, общий вывод диссертантки верен: «эта мера не может рассматриваться как антииудейская» (с. 155).

В целом данные рассуждения требуют от диссертантки более глубокого знакомства с принципами функционирования куриальной структуры позднеантичных городов. К сожалению, она почти целиком игнорирует соответствующую литературу. Так, основополагающее исследование римских позднеантичных государственных, гражданских и муниципальных институтов, трехтомник Арнольда Хью Мартина Джонса «The Later Roman Empire», диссертанткой один раз в сноске упоминается, однако совершенно не используется.

8. В целом на основании представленной диссертанткой в разделе 2.1. картины невозможно видеть каких-либо существенных, жизненно важных ограничений в отношении иудеев со стороны имперского законодательства. Было бы неплохо, если бы она, резюмируя, дала список прав, в которых были поражены иудеи за пределами военной службы. По нашим наблюдениям, уравнивая иудеев в отношении гражданских обязанностей, имперское законодательство дает жесткие предписания в отношении пограничных случаев, касающихся взаимодействия иудеев и христиан, и выхода тех и других за установленные в отношении друг друга рамки. Т.е. законодатели по римскому обычаю «воздают каждому свое право».

Эпизод с убийством крестника франкского короля по имени Патир в качестве мести за иудея Приска (с. 234), вооруженное противостояние с иудеями на Минорке, оборона иудеями своего квартала в Неаполе против войск Велисария, позволяют сделать вывод о том, что иудеи были вполне способны отстаивать свое положение с оружием в руках — это могло быть одним из важных наблюдений работы, ярко характеризующих возможности и реальное положение иудеев. Ведь очевидно, что до запрета ношения и владения иудеями оружием никто из римских и варварских властителей не додумался. Между тем, владение оружием — одно из ярких проявлений естественного права граждан, которого иудеев никто и не думал лишать в этот период.

Нам показалось тем самым, что соискательнице не вполне удалось показать, что «права иудеев действительно были значительно сокращены» к моменту составления Кодекса Феодосия и что выводы из данного параграфа можно сделать отчасти иные, хотя общая их тональность не вызывает принципиальных возражений.

9. Там, где по смыслу текста имеется в виду «православный» или «правоверный», принято писать не «католический», а «кафолический» (ср. с. 126, 127, 136, 166, 171, 178, 190, 254 и т.п.). Католическая Церковь в современном принятом отечественном понимании — это Римская Церковь после 1054 г. В этой связи отметим также, что автор странным образом избегает употреблять слово «православный» (1 самостоятельное употребление на всю работу), предпочитая ему «ортодоксальный», зачастую ставя последнее слово в кавычки. В результате, к примеру, у автора в тексте появляются «ортодоксальные франки» (с. 137), хотя в данном случае более естественным будет сказать и «православные франки», и «франки-кафолики». В соседних фразах «христианство в его ортодоксальной версии» и «союз с католической церковью» (с. 166) «ортодоксальный» и «католический» присутствуют как синонимические эпитеты, что противоречит принятому словоупотреблению.

10. По ходу текста соискательница применяет то античные, то современные названия топонимов. С одной стороны, к примеру, Бурж, Юзес,

Клермон, Милан, а, с другой — Августа Трикастинорум, Бурдигала, Панорм, Каралис. Встречается и гибрид: античный Агригент, современный Агридженто фигурирует как Агригенто.

11. Не могу не отметить и высказывание соискательницы по моей собственной исследовательской теме. Даже несмотря на присутствие ссылки на мою статью, оспарю ее высказывание о том, что в период понтификата Григория I «продолжалось формирование концепции примата Римского престола» (с. 240). Понятие «примат» Григорий ни разу не использовал в своей обширной переписке, хотя бесспорно он был весьма высокого мнения о чести и статусе своего престола среди прочих Церквей. В связи с необычными обязанностями папы Григория диссертантка говорит об упадке «западной Империи в целом», однако в этот период никакой западной Империи не существовало — Италия была префектурой, а затем экзархатом единой Римской империи, централизованно управляемой из Константинополя.

12. Комментируя появление схожих по содержанию канонов на различных Соборах, Валентина Евгеньевна делает наблюдение: «Повторение одних и тех же постановлений может говорить нам о том, что, эти вопросы были все еще актуальны, что порой правила не соблюдались» (с. 191; ср. с. 194–195). На наш взгляд, автор не учитывает того обстоятельства, что Церкви на Западе не были подчинены одному административному центру и то, что принималось на каком-то маленьком региональном Соборе, не было обязательным для тех Церквей, которые в нем не участвовали. Узкорегionalный характер галльских Соборов и их разнесённость по времени следует учитывать. Повторение канонов следует рассматривать как постепенную рецепцию канонических норм отдельными региональными сообществами Галлии и Испании, а не как централизованный процесс.

Положительный отзыв на диссертацию официального оппонента **Биркина Михаила Юрьевича**, кандидата исторических наук, научного сотрудника Лаборатории исследований научных институций, доцента кафедры всеобщей истории ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный

университет».

Отзыв содержит следующие замечания:

1. Не всегда точно даны ссылки, изредка встречаются неточности в названиях работ. Например, на с. 25 в основном тексте обрезано название: «Establishing Boundaries. Christian-Jewish Relations in Early Council» вместо «Establishing boundaries: Christian-Jewish Relations in Early Council Texts and the Writings of Church Fathers». Кроме того, как кажется, в основном тексте лучше давать перевод, а не оригинальное название той или иной публикации, что в тексте встречается достаточно часто.

Что касается неточности в сносках, то, например, на с. 64 при перечислении соборов, на которых рассматривался иудейский вопрос, упомянут собор в Эльвире и дана ссылка на *Concilia Galliae A. 314 - A. 506 / ed. Ch. Munier. Turnhout, 1963 (CCSL 148)*. Однако здесь текста Эльвирского собора нет. На с. 183, говоря об Оранжском соборе 441 года и Везонском соборе 442 года, автор ссылается на *Statuta Ecclesiae Antiqua*. Изложение соответствующих «Древних установлений Церкви», только остается непонятным, какое отношение они имеют к соборам, чьи каноны находятся на других страницах издания Мюнне. При описании решений Толедских соборов (с. 190-193) ссылки практически отсутствуют, а если и есть, то в таком случае не указывается конкретный канон. На с. 150 говорится со ссылкой на CTh. 16.8.15, что отмененный ранее налог патриарху иудеев был возобновлен, между тем как об этом идет речь в CTh. 16.8.17.

Впрочем, при таком масштабе работы некоторое количество опечаток неизбежно (хотя в скобках стоит заметить, что текст прекрасно вычитан, а в целом - написан хорошо и емко).

2. К этой же группе замечаний стоит отнести неточные формулировки, а также терминологическую путаницу. На с. 173 I I книга «Вестготской правды» спутана с главой («Глава XI кодекса»). На с. 174 и 175 используются слова «титул Реккесвинта» и «титул Эрвига». Что под этим подразумевается, понять сложно. О *Variae* Кассиодора на с. 63 говорится, что это - «сочинение, в котором

собраны постановления остготских властей, охватывающие период 507-537 годов». Так можно описать лишь часть состава этого корпуса текстов. На с. 134 сообщается: «Житие седьмого епископа Меца Симеона (середина IV века) говорит о его иудейском происхождении». Проблема в том, что надпись на его реликварии действительно гласила: «*Si relegas vitam, genus hunc probat Israelitam*», но само житие не сохранилось. Эта часть надписи относится к древней эпитафии, созданной около 780-х гг. См.: Berger L. E. *Der Menora-Ring von Kaiseraugst - Jüdische Zeugnisse römischer Zeit zwischen Britannien und Pannonien / The Kaiseraugst menorah ring - Jewish Roman era testimonies in the Northern Provinces*. Römermuseum Augst Verlag, 2005. S. 166-167.

3. Среди соображений дискуссионного свойства стоит перечислить следующие. На с. 123 утверждается: «Таким образом, эпизоды крещения иудеев становятся топосом позднеантичной агиографической литературы и важным фактором формирования образа епископа». В основе такого вывода лежат анализ нескольких текстов, датировка значительной части которых выходит за пределы хронологических рамок исследования - начала VII в.

Более того, часть из них еще более поздняя. Жития Австремония (*Vita prima*) и Сульпиция из Буржа созданы в VII в., житие Ферреола, скорее всего, в Каролингское время или непосредственно ему предшествовавшее. Текст об Урбике входит в состав *vita tertia s. Austremonii* (*Acta sanctorum. Novembris. T. I. Paris, 1887. P. 75*), которая написана, по разным оценкам, в конце XI или XII веке, см.: Savill B. *Civic factions, denied conversions and the first European narrative of Jewish infanticide: Praejectus of Clermont's Deeds of Austremonius (c. 650/75) // Historical Research. 2024. Vol. 97 (276). P. 168-169, 178*. Как быть с такого рода текстами и их сведениями (сюда же можно отнести сведения о Симеоне Мецком)?

4. Другой вопрос возникает с вероятно не совсем точными формулировками. На с. 70 утверждается: «Особенностью эпистолярного жанра является его меньшая подверженность идеологическим установкам». Насколько верно такое утверждение применительно к позднеантичной эпистолографии?

Ведь многие тексты готовились к публикации и вообще не всегда предполагалось, что они будут читаться исключительно получателем, поэтому им придавали соответствующую риторическую обработку. Так, например, рассматриваемое в диссертации послание к иудеям Милана (Var. V. 37) начинается со слов о поиске правосудия заблуждающимися, а заканчивается словами о невозможности достичь иудеями вечного покоя. Как письмо Севера Меноркского соотносится с утверждением о «меньшей подверженности идеологическим установкам»?

Аналогичное замечание касается и слов о том, что «археологические и эпиграфические памятники являются источником информации, которая не подвержена идеологическому влиянию, это «нейтральные» источники» (с. 71). Кажется, что при их анализе необходимо учитывать существовавшие тогда нормы и представления о том, что должно быть сообщено в той или иной эпитафии. Отчасти самим своим исследованием диссертант это подтверждает.

5. Рекомендации, что хотелось бы видеть в тексте.

Представляется необходимым упорядочить изложение в разделе с обзором источников. Возможно, стоило бы в тексте каким-то образом выделить подразделы, по которым были бы распределены источники разной видовой и жанровой принадлежности. Подробнее в ряде случаев необходимо обсудить проблемы датировки того или иного текста. Хотя это и избыточно, но хотелось бы видеть в тексте более подробные сведения об используемых изданиях и, в частности, объяснения, почему было отдано предпочтение той или иной публикации текста.

6. В тексте не хватает цитат на языке оригинала, особенно когда в кавычках дается прямой перевод. Проще читать научную работу, когда нет нужды специально искать тот или иной латинский текст. Кроме того, если используется существующий русский перевод, то нужно указывать его авторство (например, с. 224).

7. Хотелось бы увидеть четкого, артикулированного описания этапов, через которые иудео-христианские отношения прошли в период с IV по VII в.

Чем, например, начало VII в. в этом отношении отличается от конца V в.?

8. Хотелось бы, возможно, увидеть ответ на вопрос: как развитие иудео-христианских отношений связано с трансформацией представлений о *saeculum*, как их описал Р. О. Маркус (см.: Markus R. A. *The Sacred and the Secular: From Augustine to Gregory the Great* // *The Journal of Theological Studies*. 1985. No. 1 (36). P. 84-96). Отчасти в связи с этим возникает и другой, частный вопрос: могло ли нападение на синагогу (не Храм) восприниматься как *sacrilegium*, прежде всего, в римской системе представлений? Кажется, что ответ на этот вопрос, мог бы пролить свет на понимание роли синагоги в среде не-иудеев.

9. В тексте не хватает более подробного разбора топосов антииудейской риторики на примере конкретных агиографических или исторических сочинений? Как «риторический иудей» реализуется в исторических и агиографических текстах? Как в них себя проявляет его нечестие, злоба, хитрость, коварность, неверие и упрямство (стр. 134, *passim*)? Проявляется ли это упрямство только в связи с вопросами веры и перспективы крещения? Кроме того, стоило бы проговорить, чем составляющие образа иудея отличаются от риторических образов язычников или еретиков.

10. Наконец, есть совсем частное соображение, о котором бы хотелось сказать. Так, как отмечается на с. 216, в письме Севера Цецилиан, который был к тому моменту дефенсором города, называется *vir honestus*. Представляется, что анализ этого наименования в других источниках (в том числе в равеннских папирусах) помог бы прояснить социальный статус этого персонажа.

Положительный отзыв на автореферат **Аурова Олега Валентиновича**, заведующего кафедрой всеобщей истории Историко-филологического факультета Института общественных наук РАНХиГС, кандидата исторических наук, доцента содержит следующие замечания:

1. Число исследовательских задач (5) (С. 13), не соответствует количеству глав (3) (С. 23-29).

2. В историографии диссертации не упоминаются некоторые важные работы, прежде всего – труды современной французской исследовательницы

Селин Мартен.

3. Применительно к понятийной системе исследования не совсем удачными представляются как явно устаревший термин «варварские королевства» (С. 14, 16, 26) (более корректным представляется «романо-варварские королевства»), так и понятие «варварские государства» (С. 26) (корректнее было бы говорить о «политиях», учитывая дискуссионность оценки политической организации Древности и Средневековья как государственности *stricto sensu*).

Положительный отзыв на автореферат **Казакова Михаила Михайловича**, профессора кафедры государственно-правовых дисциплин федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Смоленский государственный университет», доктора исторических наук, профессора содержит следующие замечания:

1. В обзоре источников не упоминается послание Амвросия Медиоланского императору Феодосию по поводу сожжения синагоги в Калиннике.
2. В разделе «исторические сочинения» отсутствуют сочинения церковных историков.

Положительный отзыв на автореферат **Ведешкина Михаила Александровича**, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ИВИ РАН содержит следующие замечания:

1. Судя по данным автореферата в работе не использовались сведения т.н. «Учения новокрещенца Иакова», а также трудов Максима Исповедника, отражающей события в римской Африке начала VII в., иными словами на завершающем этап позднеантичной эволюции антииудейского дискурса, уже тесно связанного с эсхатологическими настроениями той эпохи.

2. Неоднозначным представляется и принятое диссертанткой решение принципиально развести западную проблематику и процессы, происходившие на территории Восточной Римской империи. Как показывает политико-церковная практика конца V – первой половины VII в., события в Восточной империи подчас продолжала задавать нормативные импульсы и для западных

провинций, а позднее для варварских королевств. В частности, именно обретение мощей Св. Стефана в Палестине в 415 г. спровоцировало волну еврейских погромов по всей империи (от Эдессы, до Северной Африки и Минорки, о чем к слову сам автор сообщает в разделе, посвященном посланию епископа Севера). Далее, антииудейские указы вестготских правителей начала VII в., равно как и политика франкского короля Дагоберта в отношении его еврейских подданных, очевидно находились в прямой зависимости от процессов, проходивших в восточном Средиземноморье, а именно обострения иудео-христианских отношений во время и непосредственно после римско-персидской войны 602–628 гг. С нашей точки зрения, игнорирование этого фактора затрудняет корректное объяснение ужесточения антииудейских мер на Западе в первой половине VII в.

Выбор официальных оппонентов и ведущей организации обосновывается их высоким профессионализмом и компетентностью в соответствующих областях науки, наличием у оппонентов и сотрудников ведущей организации публикаций по тематике диссертации в рецензируемых журналах за последние пять лет. Кафедрой всеобщей истории федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» является признанным научным центром по изучению Поздней античности и Средних веков, **Грацианский Михаил Вячеславович** специализируется на истории Поздней античности и истории церкви, **Биркин Михаил Юрьевич** является специалистом по истории церкви в позднеантичной Испании.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований удалось:

1) продемонстрировать, что изучение иудео-христианского диалога на позднеантичном латинском Западе возможно лишь в контексте идеологических установок, формировавших отношение христиан к носителям иной религиозной культуры;

2) установить, что образом иудаизма и иудеев являются: противопоставление иудеев христианам, изображение иудеев в качестве коварных и нечестивых соседей, взаимодействие с которыми должно быть ограничено только попытками привлечь их к истинной вере;

3) показать, что антииудейский нарратив способствовал формированию христианской идентичности в обществах периода христианизации и определял социальное поведения;

4) показать наряду с сохранением римских правовых норм, регулировавших положение иудеев и отношения с ними, динамику их правового статуса в период христианизации латинского Запада, которая выражалась в постепенном сокращении прав иудеев и все большем контроле за иудео-христианским взаимодействием;

5) установить, что, несмотря на антииудейскую риторику и конструируемый образ иудеев как «Другого», иудеи были интегрированы в западноримское общество, а между христианским большинством и иудейским меньшинством существовали мирные и добрососедские отношения;

6) выявить факты иудео-христианских столкновений, произошедших в изучаемый период, определить роль и место епископов и антииудейской риторики в этих конфликтах;

7) показать, что, с одной стороны, интегрированность иудеев в городские общины, и с другой, постепенное ограничение их в правах, антииудейская риторика и порой вспыхивающие конфликты и попытки насильственного крещения или изгнания определили дальнейшее иудео-христианское взаимодействие на Западе и заложили основу для западноевропейской средневековой политики в отношении иудеев.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые в отечественной историографии обобщается разнообразный источниковый материал, отражающий положение иудеев на позднеантичном латинском Западе периода христианизации. При этом в отличие от большинства исследований по данной тематике в работе уделено большое внимание анализу образа иудеев и

мировоззренческих установок в их отношении, которые формировались христианскими авторами. Таким образом, впервые в отечественной науке исследованы иудео-христианские взаимоотношения на позднеантичном латинском Западе с культурно-исторической точки зрения, рассмотрены прежде всего мировоззренческие установки, определявшие иудео-христианский диалог, с учетом этих установок определяется сложность и динамика межконфессиональных взаимоотношений.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в возможности использования его материалов при дальнейшем изучении истории позднеантичного Запада, межконфессионального диалога Поздней античности, при разработке учебных курсов по истории Поздней античности и Средних веков; результаты работы могут послужить основой для дальнейшего исследования иудео-христианского диалога в Поздней античности и Средневековье; обладают значимостью для широкого спектра общих и популярных работ, составляющих один из трендов литературы о ранних веках истории Европы, христианской мысли и культуры.

Личный вклад соискателя состоит в самостоятельном определении тематики исследования, его основных направлений и проблематики в рамках избранной темы, самостоятельной постановке цели и задач исследования, в использовании широкого круга источников, некоторые из которых были переведены с латинского языка непосредственно соискателем, проработке и использовании обширной историографии, в самостоятельном определении методологической базы, учитывающей особенности предмета исследования. Соискателем самостоятельно проведен анализ многочисленных источников, научное обоснование и обобщение основных положений исследования, а также сформулированы выводы диссертационного исследования.

После выступления Цивилевой Валентине Евгеньевне были заданы следующие вопросы:

А.В. Махлаюк, д.и.н., заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков ННГУ им. Н.И. Лобачевского:

1) Было сказано о случаях насильственного крещения иудеев, как проявлялось насилие в таких случаях?

Л.В. Софронова, д.и.н., заведующая кафедрой всеобщей истории, классических дисциплин и права НГПУ им. К. Минина:

2) В автореферате словосочетание реальные иудеи поставлено в кавычки, что вы под этим имели в виду?

3) В работе упоминается «герменевтические иудеи». Является ли этот термин полезным для исследования межконфессиональных отношений?

Соискательница Цивилева Валентина Евгеньевна ответила на задаваемые ей в ходе заседания вопросы и привела собственную аргументацию.

На заседании 25 декабря 2025 г. диссертационный совет принял решение за решение научной задачи, имеющей значение для развития исторической науки присудить Цивилевой В. Е. ученую степень кандидата исторических наук, так как диссертация представляет собой законченную научно-квалифицированную работу, которая соответствует критериям, установленным пунктами 4, 7, 12–13, 25 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (ред. от 25.01.2024).

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 18 человек, из них по специальности рассматриваемой диссертации 9 докторов наук, участвовавших в заседании, из 24 человек, входящих в состав совета, проголосовал: за 18, против 0, недействительных бюллетеней 0.

Председатель диссертационного совета

д.и.н., профессор

 А. В. Махлаюк

Ученый секретарь диссертационного совета

к.и.н., доцент

 А. М. Абидулин

25 декабря 2025 г.